

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КАЛМЫЦКОМ ВОЙСКЕ

© 2013 С.В. Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 10.09.2012

В статье рассматриваются вопросы создания и функционирования школы в Ставропольском калмыцком войске, приводится статистика численности учеников и сведения об учителях, показана связь школьного образования с подготовкой и карьерным ростом войсковых чиновников.

Ключевые слова: Ставропольское калмыцкое войско, школа, школьное образование, учитель, школьник.

В 1737-1738 годах на Волге в междуречье Большого Черемшана и Сока были отведены земли для поселения крещеных калмыков. Здесь же для их правительницы княгини Анны Тайшиной, калмыцкой знати (владельцев и зайсангов), а также русских чиновников и духовенства построили крепость Ставрополь (с 1964 года – Тольятти). За счет притока новокрещеных калмыков с Низовьев Волги и Яика, а затем бежавших из Китая и киргиз-кайсацкого (казахского) плена в русское подданство зюнгорских (джунгарских) калмыков к 70-м годам XVIII века произошел заметный рост калмыцкого населения – с 2104 человек в 1738 году до 8217 человек в 1767 году¹.

Вопрос об открытии школы для обучения калмыцких детей был поставлен начальником Оренбургской экспедиции И.К. Кирилловым задолго до поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье². Для Кириллова и его последователей было очевидным, что восприятие христианства, отселение крещеных калмыков от соплеменников, принуждение их к оседлому образу жизни являются лишь внешними атрибутами лояльности. Покорность под воздействием обстоятельств не могла вызвать у калмыков в отношении России верноподданнических чувств. Привыкшие к степному раздолью, они при всяком удобном случае, как это, собственно, и происходило в дальнейшем, будут стремиться к побегам, а под влиянием антиправительственных повстанческих движений с легкостью перевернутся на сторону врага. Добиться от калмыков осознанного подчинения можно было только просвещением.

В правительственных кругах крещеные калмыки, по образному выражению О. Сухих, воспринимались «непосредственными и несмышленными детьми, нуждающимися в охранительном и развивающем попечении взрослого и опытного наставника»³. На роль «наставника» изначально

*Джунджузов Степан Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории.
E-mail: Djund@yandex.ru*

был определен полковник А.И. Змеев. В одном из донесений А.И. Змеев дал следующую характеристику опекаемым им калмыкам: «Они люди дикие, необычные и не только строения, но еще и русского обхождения совершенно не разумеют, да и за скудостью своею того никак исправить не могут»⁴. «Дикость» калмыков, по убеждению русских управленцев, проистекала из приверженности к кочевому образу жизни. К этому времени в российском обществе в отношении нравов и обычаев кочевников уже сложились устойчивые представления: «хищничество», заключающееся в склонности к воровству и грабёжам, тяга к праздности, легкомыслие, невежество, непонимание собственной выгоды и так далее.

Исправлению нравов и приобщению первых калмыцких поселенцев к оседлости должен был поспособствовать пример русских крестьян, которых с этой целью стали водворять на калмыцкие земли. Как известно, эксперимент оказался неудачным. Он привел к сокращению принадлежавших калмыкам земель, судебным тяжбам и, как следствие, взаимному отчуждению.

Более надежным, хотя и более длительным, путем просвещения калмыков признавалось обучение и воспитание в русских традициях калмыцкой молодежи. Для организации учебно-воспитательного процесса нужна была специализированная школа, адаптированная под нужды и потребности калмыцких детей. Представления о необходимости учреждения такой школы не только поступали в Коллегию иностранных дел от начальников Оренбургской экспедиции⁵, но и, что особенно важно, на ее открытии настаивали княгиня А. Тайшина и состоявшие при ней зайсанги. В мае 1738 года через своего посланца К. Шарапа Анна Тайшина обратилась к А. Остерману с напоминанием, что для обучения русскому языку и письму при ее покойном муже состояли 5 «ребят», направленных к нему из Коллегии иностранных дел. Трех из них, находившихся в то время при В.Н. Татищеве, она просила с установленным

жалованьем определить к ней «для обучения малых ребят»⁶.

Думается, что забота зайсангов об образовании своих детей была вызвана не только давлением со стороны опекавших их чиновников. Более двух лет они провели с владельцем Петром Тайшиным, а затем с его вдовой в Санкт-Петербурге. За это время они лишились оставшегося в Калмыцком ханстве имущества, подвластных людей и самой возможности вернуться в родные улусы. Их социальный статус в Ставрополе, несмотря на все содержавшиеся в высочайших указах гарантии, был весьма уязвим. Любой представитель знати, стоявший выше них в сословно-феодальной градации, в случае принятия христианства мог с легкостью потеснить их на чиновничьем пьедестале. С другой стороны, в столице они тесно контактировали с чиновниками разного уровня, общение с ними подкачивало и путь карьерного роста через выслугу и заслуги. Для проникновения в мир русской бюрократии нужна была специальная подготовка – знание русского языка, грамоты, основ православного вероучения и хотя бы элементарных арифметических действий. Осилить этот груз знаний было под силу только юному поколению крещеных калмыков.

Заслуга в открытии школы принадлежит ставропольскому коменданту, полковнику А.И. Змееву. Два года он вел переписку по этому вопросу с Коллегией иностранных дел. Ссылался на желание самих калмыков «обучать детей своих русской грамоте и письму». Убеждал, что через школьное образование калмыки быстрее приобщатся к русским обычаям и быту. Наконец, зная, насколько неохотно правительство идет на дополнительные расходы, Змеев нашел весьма оригинальный источник финансирования школы: деньги на ее содержание он предлагал вычитывать из жалованья священников и церковников, не владевших калмыцким языком, от проповедей которых комендант не видел для калмыков никакой практической пользы.

А.И. Змеевым была представлена целая программа обучения, содержания и воспитания калмыцких школьников. На должность учителя был определен возглавлявший православную миссию в Ставрополе протопоп Андрей Чубовский, который, как писал полковник Змеев, «то исправлять не отрекается». Ежегодно на содержание одного школьника Змеев просил выделять из казны по 20 рублей. Эти деньги предназначались для покупки одежды, обуви и продовольствия. Школьники должны были находиться под постоянным присмотром надзирателей, назначать которых рекомендовалось из солдат. За каждым из них закреплялось по пять учеников.

Для калмыцких школьников надзиратель одновременно был и надсмотрщиком, и воспитателем, а на первых порах – еще и нянькой. В его обязанности входило покупать для опекаемых детей продукты, одежду, готовить им еду, стирать, помогать одеваться, расстилать и заправлять постель и исполнять прочие домашние надобности. По убеждению Змеева, все без исключения ученики должны были жить при школе, так как отлучки домой на ночлег могли сильно затруднить усвоение учебного материала и замедлить перенимание русских обычаев⁷.

6 июля 1741 года настойчивость ставропольского коменданта была вознаграждена. Правительствующий Сенат на основании Высочайшего указа отдал Штатс-конторе следующее приказание: «Для обучения калмыцких детей русскому и калмыцкому языкам учредить школу в Ставропольской крепости и на содержание их деньги определить убавя у тамошнего священника, дьякона и церковников, как во мнении полковника Змеева написано. А тех школьников учить протопопу Чубовскому»⁸. Вскоре десять калмыцких мальчиков приступили к освоению азов русского языка и арифметики. На их содержание ежегодно выделялось 200 рублей.

После смерти А.И. Змеева в 1742 году выяснилось, что благополучие школы зависело исключительно от его попечения. Выплаты жалованья ученикам прекратились, обращение с ними было самое грубое, по вечерам за неимением свеч они сидели без огня, а днем ходили «в драной одежде и грязном белье». Смерть одного из школьников побудила его товарищей на отчаянный шаг: презрев угрозы местного начальства, они решились обратиться с жалобой в Коллегию иностранных дел⁹.

Порядок, заведенный в поселении крещеных калмыков при А.И. Змееве, начал восстанавливаться в 1744 году, когда Ставропольское ведомство вошло в состав Оренбургской губернии. Первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев был сторонником постепенного «обрусения» инородцев. По образному выражению Н.А. Витевского, он был убежден, что историческое значение русского народа состоит в том, что он «вел и ведет за собою все инородческие племена, поглощая их в себе, как море текущие в него реки»¹⁰. Неслучайно в составленных им «Правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оной калмыков» состояние и перспективы развития школьного образования рассматриваются уже во втором пункте, наряду с христианским просвещением.

Придерживаясь принципа «влияния на инородцев следует добиваться через их знать», Неплюев стремился придать получаемому калмы-

ками образованию элитарный характер. В школу позволялось принимать только детей владельцев и самых знатных зайсангов. Число школьников увеличивалось с 10-ти до 20-30-ти человек, на их содержание, как и прежде, продолжали выделять по 20 рублей.

В представлении оренбургского губернатора калмыцкая школа в перспективе могла стать кузницей церковных и чиновничьих кадров для работы с калмыцким населением. В связи с этим наряду с калмыками в школу предписывалось зачислять и детей церковнослужителей из Казанской губернии. Их готовили для несения службы в церквях, среди прихожан которых преобладали крещенные калмыки. В более поздних архивных документах встречается указание, что в калмыцкой школе обучались дети солдат. Их предполагалось использовать в качестве переводчиков¹¹.

Подбор учителя для школы распоряжением Сената предоставлялся на усмотрение самого Неплюева или ставропольского коменданта. При этом они должны были учитывать мнение протопопа А. Чубовского, возглавлявшего православную миссию в Ставрополе¹². Программа школьного курса в «Правилах» не регламентировалась. Перед учителем ставилась пространная задача «обучать калмыцких детей русскому чтению, письму и добрым обычаям» с неременным условием, чтобы «учение калмыцкого письма под рукою и время от времени выводить им из обычая». После освоения калмыцкими школьниками русского языка они должны были приступить к изучению догматов православной веры. Их толкование вменялось в обязанность протопопу или, под его наблюдением, одному из священников¹³.

Создание школы в Ставропольской крепости, по крайней мере относительно XVIII в., можно считать наиболее успешно реализованным мероприятием, почти полностью оправдавшим надежды ее основателей. К такому выводу приводят данные, извлеченные из статистических ведомостей и послужных списков чиновников Ставропольского войска.

Ко времени принятия Ставрополя в ведение оренбургской губернии в 1744 году в калмыцкой школе из десяти положенных по штату обучалось всего семь учеников. По утвержденному в 1745 году штатному расписанию допустимое число учащихся доводилось до 35 единиц. Вакансии заполнялись более чем на две трети: в 1756 году в войсковой школе обучалось 28 учеников, в 1759 году – 33. В 1760 году, в связи с переселением в Ставропольское войско принявших крещение джунгарских калмыков и созданием из них трех новых рот, штатное число учеников было разрешено увеличить до 50. Наивысших успехов ко-

личественные показатели в области распространения школьного образования в Ставропольском калмыцком войске достигли в 1783 году, когда удалось закрыть все 50 ученических вакансий¹⁴.

Востребованность школьного образования, особенно в кругу калмыцкой знати, объяснялась требованием, сформулированным И.И. Неплюевым и соблюдаемым его последователями: «Из учеников... которые в иных чинах быть похотят, прежде других производить, чтобы к обучению имели большую охоту»¹⁵. За счет школы Калмыцкое войско полностью обеспечивалось домощенными чиновничьими кадрами. Послужные списки большинства войсковых старшин уже в 80-е годы XVIII в. начинались с записи «школьник». О владении командным составом русской грамотой на основании тех же послужных списков было установлено, что на 1 января 1800 года из 6 войсковых старшин читать и писать по-русски умели все 6, из 15 ротмистров – 14 (один только расписывался), из 16 ротных хорунжих – 7, из 17 ротных есаулов – 8¹⁶. А так как обучиться грамоте в условиях Ставропольского войска возможно было, только посещая школу, то можно сделать вывод, что на рубеже веков школьное образование для будущих войсковых чиновников становится нормой.

К началу XIX века заметно увеличивается состоявший при школе учительский персонал. Так, если согласно ведомости 1783 года на пятьдесят школьников приходился один учитель, то в 1800 году их было уже трое – два учителя и переводчик. Из их послужных списков следует, что калмыцких детей обучали русские учителя, возможно, сами являвшиеся выпускниками той же войсковой школы. Первый из них, Сергей Прокофьевич Шешкин, происходил из унтер-офицерских детей. На службу поступил в 1778 году, сначала исполнял обязанности толмача, а с 1779 года – учителя. В 1785 году был произведен в классный чин коллежского регистратора. Второй – законоучитель Николай Ефимович Ягодинский – был сыном священника, служил учителем с 1791 года. В его послужном списке особо подчеркивается, наряду с владением русским и калмыцким языками, знание арифметики. Поддержанию престижа школьного образования должно было служить назначение на невысокую должность переводчика ротмистра Андрея Андреевича Гаданова. А.А. Гаданов начинал службу рядовым казаком. Через 12 лет дослужился до ротмистра, чему он был обязан в том числе и знанию русского языка. Авторитет ему придавал и военный опыт, полученный в 1790-1793 годы, когда он в составе Ставропольского полка воевал со шведами, а затем охранял границу России с Польшей¹⁷.

Подчеркивая значение войсковой школы как учреждения, занимавшегося подготовкой будущих войсковых начальников, следует указать, что в последнее десятилетие XVIII века калмыки уже с куда меньшей охотой стали отпускать своих детей на учебу. В 1798 году численность школьников сократилась до 32 человек. И самое главное, обучение грамотности нескольких десятков подростков не создавало условий для восприятия русской духовной и материальной культуры всей калмыцкой молодежи. Новые поколения ставропольских крещеных калмыков, как и прежде, продолжали ориентироваться на знания и опыт, воспринимаемые от дедов и отцов. По нашим подсчетам, в 1800 году даже среди владельцев и зайсангов, 50 из которых за неимением чиновничьих вакансий вынуждены были служить рядовыми, русской грамотой владели только 2 человека¹⁸.

До 20-х годов XIX века жизнь в калмыцкой школе протекала в установленном ещё при Неплюеве порядке, разве что именоваться она стала училищем. Посетивший в 1823 году Ставрополь визитор училищ, экстраординарный профессор Казанского университета Г.А. Суровцев нашел, что «в оном, кроме калмыцкого языка, ничего особенного не преподаётся, да и заведение оно без постороннего надзора не обещает больших успехов. Число учеников довольно ограничено и без стеснения могли бы поместиться в уездном училище».

В 1826 году Калмыцкое войсковое училище было присоединено к Ставропольскому уездному училищу. Для обучения школьников-калмыков русскому языку был открыт подготовительный класс и приглашен особый учитель¹⁹.

Казалось бы, от ликвидации войскового училища извлекли выгоду все заинтересованные стороны. Уездному училищу Войсковая канцелярия ежегодно переводила немалую по тем временам сумму в 624 рубля на содержание калмыцких детей, а войсковое общество освобождалось от расходов на содержание пришедшего в ветхость училищного здания. Но уже через два года взаимная неприязнь атамана Ставропольского войска Барышевского и штатного смотрителя Ставропольского уездного училища Бельского переросла в открытый конфликт.

9 ноября 1828 года Ставропольская войсковая канцелярия направила оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену Представление, в котором выражала неудовольствие низким качеством обучения школьников-калмыков и указывала на частое применение к ним со стороны смотрителя Училища порки и других унижительных наказаний.

Только попадая в стены училища и общаясь со своими русскими сверстниками, калмыцкие

дети начинали понимать русскую речь. Поэтому, прежде чем приступить к изучению предмета, учителям приходилось тратить время на разъяснение незнакомых слов. В результате, как свидетельствует Барышевский, школьников-калмыков по несколько лет держали в прибавочном классе. За любую провинность штатный смотритель Бельский избивал малолетних детей розгами, особым видом наказания для провинившегося было привязывание цепью к железному стулу. Когда Бельскому стало известно, что некоторые родители пытаются договориться с другими учителями взять на себя заботу об их детях, он и вовсе запретил им появляться в училище.

Губернатор П.К. Эссен, естественно, поддержал своих подчиненных и предложил Совету Казанского учебного округа отстранить от должности смотрителя Бельского и на его место определить другого чиновника. Свое мнение П.К. Эссен подытожил словами: «Доброй нравственности на сем месте человек необходим и должен находиться среди калмыцкого народа дабы детей калмыцких приохотить к учению примерными ласками и снисхождением, что может только способствовать распространению хоть некоторого просвещения между калмыками»²⁰.

Для расследования обстоятельств конфликта по поручению Совета Округа в Ставрополь выезжали директор Симбирских училищ А. Гапонов и экстраординарный профессор Казанского университета Г.А. Суровцев. Визитеры опрашивали учеников, в присутствии депутатов от Ставропольского войска и городского общества были проведены испытания для калмыцких детей. Опрос не выявил фактов избиения Бельским воспитанников. Донос Войсковой канцелярии о неуспеваемости учеников-калмыков также не подтвердился. Более того, профессор Суровцев счел нужным отметить усердие их учителей: «Многие из калмыцких детей, поступившие в Училище в октябре 1828 года, не знающими языка русского, читают по-русски и по-славянски довольно бегло, что со стороны учителей, по моему мнению, показывает особенную рачительность и усердие»²¹.

В результате расспросов Г.А. Суровцев пришел к убеждению, что Войсковая канцелярия направила жалобу на смотрителя Бельского не столько потому, что он или учителя жестоко наказывали или притесняли учащихся, сколько из личной неприязни к нему атамана Барышевского и секретаря Войсковой канцелярии Шешкина. Причины неприязни поведали А. Гапонову в частной беседе хорунжий Батырев и его отец, состоявший в должности советника Войсковой канцелярии. Якобы смотритель Бельский грозился за задержку платежа, положенного за со-

держание и обучение сына войскового атамана, направить жалобу военному губернатору. От себя Гапонов добавил, что озлобление атамана Барышевского было также вызвано стремлением Бельского «искоренять в калмыцких детях семена худых склонностей к суеверию, а может быть и самому язычеству».

Чтобы впредь не давать поводов к новым конфликтам, профессор Суровцев советовал смотрителю Уездного училища не позволять наказывать учеников. В случае каких-либо проступков, нерадения или плохой успеваемости для принятия мер сообщать Войсковой канцелярии. Ей же доставлять ведомости по итогам каждой трети учебного года с указанием оценок за успеваемость, поведение и прилежание учеников. Совету Казанского университета он рекомендовал перевести Бельского в какое-либо другое училище Учебного округа с сохранением должности. Более того, для предупреждения трений между смотрителем Уездного училища и Войсковой канцелярией просил запретить последней вмешиваться в дела Училища и ограничиться уведомлениями о поступающих в Училище учениках. В противном случае позаботиться о заведении для калмыцких детей особого училища, что, как известно, сделано не было²².

Обучение в Училище было для калмыков бесплатным, зато найм жилья и покупка продовольствия обходились родителям почти в 100 рублей. Основным источником пополнения семейного бюджета у калмыков служили деньги, вырученные от сдаваемых в аренду земельных угодий. Их едва хватало на пропитание, служебные и хозяйственные нужды, поэтому содержание детей в Ставрополе ложилось на их семьи непосильным бременем. Даже войсковые чиновники, дети которых отличались успешным усвоением школьных предметов, не только не стремились перевести их в военные учебные заведения, а, напротив, под разными предлогами норовили вернуть сыновей домой. Дело дошло до того, что атаман Ставропольского войска вынужден был уступить давлению подчиненных и обратиться к Оренбургскому губернатору с ходатайством о сокращении числа учащихся с сорока до десяти человек²³.

Коренным образом изменить сложившуюся в Ставропольском калмыцком войске систему образования предложил в 1835 году состоявший для особых поручений при Оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском полковник Н.А. Мансуров. Он был убежден, что только время и распространение образования способны искоренить приверженность калмыков к отождествляемому им с язычеством ламаизму. Начинать следовало с молодого поколения. Оставлять калмыцких школьников в Ставропольском училище Мансуров считал бесполезной тратой времени и средств, так как «по отлучке их к отцам или по частному посещению родителей, язычество поддерживается в учениках». Обучать и воспитывать юных калмыков в духе самодержавного русского патриотизма и православия полковник Мансуров предполагал в народных училищах отдаленных от Ставрополя городов. Увеличивавшиеся в два раза расходы на содержание школьников полностью должны были покрываться за счет общественного капитала.

План Н.А. Мансурова не получил одобрения командующего Оренбургским корпусом В.А. Перовского. Начальное образование калмыцкие юноши продолжали получать в Ставропольском уездном училище. На рубеже 30-х-40-х годов XIX века наряду с общим уменьшением числа учащихся наблюдалось резкое сокращение в их составе детей войсковых чиновников: с тринадцати в 1837 году до шести в 1841 году (табл. 1).

Дополнением к школьному образованию служило обучение подростков востребованным в войске ремеслам. Услуги мастеров-наставников оплачивались из войскового капитала²⁴.

Мерой, призванной вернуть утраченное доверие калмыцких школьников и их родителей к школьному образованию, стало предложение почетного смотрителя Ставропольского уездного училища Мильковича о переводе двух-трех лучших учеников-калмыков для продолжения образования в Казанскую гимназию. По окончании гимназии они должны были вернуться в Ставрополь, поступить учителями в Уездное училище и, опираясь на родной язык, преподавать школьные предметы. Согласие атамана Калмыцкого войска полковника Дебрюнольда

Таблица 1. Сведения о калмыцких школьниках, обучавшихся в Ставропольском уездном училище 1836-1841 годах

Годы	Учителей, других должностных лиц	учащихся	
		детей чиновников	детей рядовых
1836	1	8	22
1837	1	13	22
1841	3	6	18

Источник: ГАОО. Ф. 6. Оп.11. Д.508. Л.67; Д.564. Л.22; Д.635. Л.13

заклюало непременно условие о содержании гимназистов-калмыков на казенном иждивении. После непродолжительной переписки попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин письмом от 9 декабря 1832 года довел до сведения Оренбургского военного губернатора, что в следующем 1833 году два лучших выпускника Ставропольского уездного училища из детей чиновников Ставропольского калмыцкого войска будут зачислены казенными воспитанниками в Казанскую гимназию²⁵.

Первыми калмыками, получившими гимназическое образование, стали Федор Чумитов и Пётр Турдуев. Оба они вернулись в Ставрополь. Чумитов с 1838 года преподавал чтение, письмо и арифметику, а Турдуев с 1841 года исполнял обязанности учителя русского языка²⁶.

Предложения полковника Мансурова и то небольшое, что делалось для получения калмыцкими детьми начального образования, напоминали косметический ремонт в обветшалом здании старой школы. Причем заметим, правящая бюрократия отлично понимала, что «окультуривание» калмыков возможно только с появлением поколений, с детских лет посещавших русскую школу. Иначе говоря, необходимо создать условия для того, чтобы подавляющая масса детей школьного возраста могла пройти курс школьного обучения. Однако в первой половине XIX в. ни само калмыцкое войсковое общество, ни опекавшие его органы государственной власти еще не были морально и материально готовы к таким радикальным переменам в сфере народного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф.6. Оп.11. Д.323. Л.98-98об.

² Там же. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.10.

³ Сухих О. Как «чужие» становятся «своими», или Лексика включения Казахской степи в имперское пространство России // Вестник Евразии. 2005. №3 (29). С.18.

⁴ Цит. по: Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его состоянии до 1758 года. Казань, 1898. С.522.

⁵ Проектируя устройство школы для калмыцких детей, второй начальник Оренбургской экспедиции, переименованной к этому времени в комиссию, В.Н. Татищев пояснял, что «знание калмыками русского языка много способствует к усвоению русской национальности между ними и в самом семейном быту». Цит. по: Витевский В.Н. Указ. соч. С.518.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.819. Оп.1. Д.6. Л.10-11.

⁷ Там же. Ф.248. Оп.3. Кн.138. Л.604, 608.

⁸ Там же. Л.621.

⁹ Витевский Н.А. Указ. соч. С.526.

¹⁰ Витевский Н.А. Указ. соч. С.553.

¹¹ ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.182. Л.235-236.

¹² Должность А. Чубовского именовалась «протопоп и правитель духовных дел».

¹³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Т.ХII. СПб., 1930. С.309; Витевский Н.А. Указ. соч. С.552-553.

¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.52. Оп.1/194. Д.205. Ч.21. Л.1-17; Ф.13. Оп.1. Связка 102. Д.4. Л.214-214об; ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.9. Л.47.

¹⁵ ПСЗРИ. Т.ХII. С.309;

¹⁶ ГАОО. Ф.6. Оп.1. Д.393/3. Л.1-12.

¹⁷ Там же. Ф.6. Оп.2. Д.655. Л.1-2.

¹⁸ Там же. Ф.6. Оп.1. Д.393/1. Л.14-21.

¹⁹ Там же. Оп.4. Д.8669. Л.10-11.

²⁰ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф.92. Оп.1. Д.2639. Л.1-1об.

²¹ Там же. Л.44.

²² Там же. Л.28, 43-44, 46-46об.

²³ ГАОО. Оп.4. Д.8669. Л.18, 21, 23.

²⁴ Так, в январе 1843 г. дворовому человеку Ивану Кандамаеву за содержание и обучение двух мальчиков портному мастерству было выплачено 71 руб. 42 6/7 коп. серебром. ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д.12097/4. Л.5об.

²⁵ Там же. Ф.6. Оп.5. Д.10305. Л.1-6об.

²⁶ Там же. Оп.6. Д.11852. Ч.1. Л.529-529об.

THE SCHOOL EDUCATION IN THE STAVROPOL KALMYK TROOPS

© 2013 S.V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University

The article considers the matters of the creation and functioning of a school in the Stavropol Kalmyk troops, gives statistic data of pupils and some information about teachers, and traces the connection between the school education and the career growth of troop officials.

Keywords: Stavropol Kalmyk troops, school, school education, teacher, pupil.